

Пэй Чжилян наконец выдохнул, чувствуя, как отступает давившая на грудь тревога. Больше всего на свете он боялся, что сын повторит судьбу матери: однажды потеряется и больше никогда не вернется.

Он хрипло спросил:

— Поссорился с Сяо Фу?

Пэй Ян растерянно забился в угол. Он долго и мутно всматривался в лицо отца, словно пытаясь вспомнить, кто перед ним, и лишь спустя минуту тихо пробормотал:

— Нет, мы не ссорились.

— Он тебя обидел?

— Не обижал. Он хороший... просто... — Алкоголь все еще туманил голову, и с каждым словом Пэй Ян всхлипывал все сильнее.

Пэй Чжилян терпеливо переспросил:

— Что «просто»?

Старик и подумать не мог, что в голове его сына сейчас разворачивается настоящая драма о любовном четырехугольнике.

— Это я во всем виноват, — пробормотал Пэй Ян под нос.

Пэй Чжилян растерялся. Он не знал, как подступить к плачущему сыну, и лишь неловко, деревянным голосом произнес:

— Ты не бойся. Если тебя кто обижает — сразу отцу говори. Я разберусь, в обиду не дам.

Он робко, неловко коснулся макушки сына. Мальчишка и не заметил, как вырос. Пэй Чжилян упустил больше десяти лет его жизни — самые яркие, определяющие годы, — и вернуть это время было уже невозможно.

С тех пор как на первом курсе они порвали все связи, прошло четырнадцать лет. За это время Пэй Ян растерял юношескую угловатость, превратившись в прожженного коммерсанта, одного из тех успешных дельцов, которых называют деловой элитой.

История о том, как они с Фу Шучжо вместе поднимались с самых низов и рука об руку строили

бизнес, то и дело всплывала в прессе. Журналисты наперебой расхваливали их союз, называя его образцовым однополым браком.

Порой глухими ночами Пэй Чжилян доставал эти журналы. Он подолгу всматривался в снимки, пытаясь уловить малейшие перемены в лице сына, подмечал, как тот взрослеет и суровеет. На душе тогда становилось одновременно и радостно, и невыносимо тоскливо.

Пока старик предавался воспоминаниям, Пэй Ян беззвучно разрыдался. Слезы катились по его щекам сплошным потоком.

— Ну чего ты плачешь? — Пэй Чжилян попытался придать голосу хоть немного мягкости.

— Я по папе соскучился... — Взгляд Пэй Яна блуждал в пустоте. — Так хочется вернуться, увидеть его... Но, кажется, мне туда больше нельзя.

У Пэй Чжиляна защипало в глазах. Решив, что сын просто не узнает его спяну, он глухо ответил:

— Соскучился — так возвращайся. Двери твоего дома всегда открыты.

— Нельзя мне... — упрямо шептал Пэй Ян. — Нельзя...

Не зная, чем еще помочь, старик лишь крепко сжал ладонь сына — молодую и гладкую в своей сухой, испещренной морщинами руке.

Снаружи жена того замученного клерка подписывала протоколы у полицейских, собираясь забрать мужа домой. Она кричала на него во весь голос, но в этой ярости сквозила отчаянная нежность:

— Да плевать на твое увольнение, слышишь?! Я сама нас прокормлю! А ты подыхать вздумал? Только попробуй еще раз такую херню устроить, я тебе лично башку откручу!

Их шаги постепенно затихли вдали. Полицейские тоже засобирались уходить:

— Ну, мы поехали. Всего доброго.

— Спасибо вам. Простите за беспокойство.

На мосту остался один лишь Фу Шучжо. Одежда промокла насквозь и неприятно липла к коже. Холода он не чувствовал, но мышцы онемели и двигаться приходилось через силу.

Цинь Наньшань порывалась отвезти их, но Фу Шучжо мягко отказался:

— Поезжай домой, отдохни. Прости, что сорвали тебя среди ночи.

— Но, директор Фу... — растерялась Цинь Наньшань.

Чэн Яо ободряюще махнул ей рукой:

— Возвращайся к себе, девочкам нужно выспаться. Мы тут сами разберемся.

Фу Шучжо молча подошел к машине. На заднем сиденье, свернувшись калачиком, уже крепко спал Пэй Ян. Пэй Чжилян приоткрыл дверцу; он собирался расспросить зятя о том, что стряслось, но, увидев, в каком измученном и жалком состоянии тот находится, смолчал.

— Вези Пэй Яна домой, — вздохнул он. — Вы оба промерзли до костей.

Фу Шучжо попытался ответить, но первый звук застрял в горле — голос сорвался на сиплый шепот. Откашлявшись, он выдавил:

— Поедьте с нами. Хотите посмотреть, как мы устроились?

Пэй Чжилян немного помедлил.

— Хорошо.

Чэн Яо тут же перелез за руль:

— Садитесь, я отвезу.

Машина была не резиновая, поэтому Ци Хэюэ лишь махнул им на прощание:

— Я поймаю такси. Веди осторожнее.

Всю дорогу в салоне стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым, хриплым дыханием Пэй Яна да его невнятным бредом.

— Фу Шучжо... — шептал он.

Фу Шучжо, подставивший лицо прохладному встречному воздуху из приоткрытого окна, тут же

обернулся и прислушался.

— Мама... где моя мама... — выдохнул Пэй Ян.

Сидевшего впереди Пэй Чжиляна словно полоснуло по сердцу. Горло сдавило спазмом, и он едва сдержал слезы.

С тех пор как не стало его жены, прошел уже год с лишним, но он никак не мог привыкнуть к одиночеству. Ему все еще чудилось, будто она рядом. Он ловил себя на том, что зовет ее по имени, хочет рассказать, что ее любимые суккуленты наконец-то поменяли цвет, а фотографии сына давно не появлялись в газетах... Но стоило обернуться, и перед глазами вставали пустые, холодные комнаты, в которых больше никто не жил.

Довезя их до места, Чэн Яо сразу уехал. Пэй Чжилян оказался здесь впервые. Квартира была просторной, но, вопреки ожиданиям, не казалась безжизненной или пустой — повсюду чувствовался домашний уют.

Фу Шучжо бережно устроил спящего мужа на диване.

— Присаживайтесь, осмотритесь пока, — негромко сказал он тестю. — А я пойду наберу горячую воду.

Пэй Чжилян остался стоять в прихожей. Из глубины квартиры бесшумной тенью выскользнул белый кот. Он принялся ластиться к ногам гостя, тереться о брюки, а затем и вовсе развалился на полу кверху пузом.

— Мяу, — Чжочжо с живым любопытством разглядывал незнакомца.

Старик осторожно взял его на руки и стал несмело оглядываться по сторонам.

Каждая мелочь в этом доме напоминала о сыне. На стене за диваном висела собранная из тысяч кусочков мозаика, на кресле лежал смешной детский плед, который тот так любил, а на журнальном столике стояла рамка. С фотографии на Пэй Чжиляна смотрели Пэй Ян и Фу Шучжо — оба счастливые, улыбающиеся во весь рот, беззаботные и невероятно живые.

Чуть правее, возле самого входа, висел деревянный планшет для семейных записок. Верхний листок хранил размашистый почерк сына: «Не теряй меня, я ушел за цветами, скоро буду». Судя по дате, записка была оставлена в день рождения Фу Шучжо.

Немного освоившись, Пэй Чжилян прошел дальше по коридору. Дверь в спальню хозяев была приоткрыта. Вопреки расхожему мнению о быте двух мужчин, в комнате царил безупречный порядок.

Закончив с водой, Фу Шучжо вышел в коридор и застал тестя за разглядыванием комнаты.

— Зайдете? — предложил он.

Старик нерешительно переступил порог. Его взгляд сразу упал на письменный стол, где стоял снимок в рамке. Это был семейный портрет, но не Пэй Яна с мужем, а их троих: самого Пэй Чжиляна, его покойной супруги и маленького Пэй Яна. Фотография была такой старой, что отцу пришлось изрядно напрячь память, чтобы вспомнить тот день.

Сын тогда еще даже в старшую школу не поступил. Он вечно дулся, заявляя, что родители любят старших брата и сестру больше, и в один прекрасный день буквально силой утащил их в фотоателье, требуя сделать карточку только для них троих.

Заметив, куда смотрит старик, Фу Шучжо тихо произнес:

— Он очень дорожит этим снимком. На третьем курсе у него сломался телефон, где хранился оригинал. Пэй Ян тогда места себе не находил, плакал навзрыд. Обошел десяток мастерских, пока наконец один умелец не вытащил данные с платы. После этого он сразу распечатал фото и вставил в рамку.

Пэй Чжилян сморгнул подступившие слезы и поспешно отвернулся.

— Ступай, искупай его. Обо мне не беспокойся.

— Вода еще набирается, я пока покажу вам вашу комнату, — Фу Шучжо проводил тестя в гостевую спальню. — Белье здесь свежее, все умывальные принадлежности в ванной.

Пэй Чжилян молча кивнул и закрыл за собой дверь. Белый кот мягко спрыгнул на пол и принялся обнюхивать углы.

В полумраке комнаты раздался тихий, дребезжащий вздох старика:

— Ну что, пушистый... побудь со мной, порадуй старые кости.

Фу Шучжо перенес мужа в ванную комнату и попробовал воду — температура была идеальной. Одежда Пэй Яна под накинутым пледом успела отсыреть. Осторожно придерживая спящего, Фу Шучжо принялся медленно раздевать его, обнажая холодную, покрытую мурашками кожу.

— Представляю, как ты завтра будешь шипеть на меня, — с нежностью прошептал он, на секунду коснувшись своим кончиком носа холодного носа мужа. Каждое мгновение этой вынужденной близости сейчас казалось ему бесценным даром.

Огромную ванну, в которой легко могли поместиться двое, а то и трое, они установили по настоянию Фу Шучжо — тот уверял, что это прекрасный способ разнообразить их личную жизнь. Пэй Ян тогда жутко смущался, уши его пылали пунцовым цветом, но возражать не стал. Впоследствии они провели здесь немало страстных ночей.

Но сегодня Фу Шучжо не стал ложиться в воду вместе с ним. Он быстро сполоснулся под душем в соседней кабинке, позволяя горячим струям вернуть чувствительность затекшим мышцам. Спустя пару минут он выключил воду и бережно вытащил мужа из ванны — пьяному коту долгие водные процедуры были противопоказаны.

Завернув Пэй Яна в пушистое полотенце, он насухо вытер его, одел в мягкую пижаму и уложил в постель. Фу Шучжо еще долго сидел на краю матраса, замороженно вглядываясь в расслабленные черты лица мужа. Не выдержав, он склонился ниже и едва ощутимо коснулся его губ своими.

— Обещаю, это в последний раз, — едва слышно прошептал он в темноту.

Дождь лил до самого рассвета, но утро встретило город ярким солнцем. Сон к Фу Шучжо так и не пришел. Спустив ноги на пол, он отправился на кухню, приготовил нехитрый завтрак и понес поднос в гостевую спальню.

Тесть, как он и ожидал, тоже не смыкал глаз. Старик сидел в очках и бережно листал фотографии на экране телефона — там были архивные снимки покойной жены и вырезки из журналов с изображением Пэй Яна, которые он бережно собирал все эти годы. Заслышав тихий стук, он торопливо заблокировал экран.

— Войдите.

— Перекусите немного, а потом попробуйте отдохнуть, — Фу Шучжо поставил поднос на столик.

Пэй Чжилян поправил очки.

— А сам-то поел?

— Я не голоден, — качнул головой зять.

Старик недовольно нахмурился:

— Садись и ешь. Нечего тут героя изображать.

Не терпящим возражений жестом он разделил принесенную порцию пополам. Представители

двух совершенно разных эпох уселись за стол. На кухне воцарилось тяжелое, почти осязаемое молчание, прерываемое лишь негромким стуком фарфоровых ложек о края пиал. Пэй Чжилян, чьи зубы с возрастом совсем ослабли, жевал медленно и тщательно, запивая каждый кусочек чаем.

— Кто у вас обычно готовит?

— Раньше в основном Пэй Ян у плиты стоял... — тихо ответил Фу Шучжо. — А когда ему поставили диагноз, я сам начал учиться.

Пэй Чжилян помолчал, пережевывая пищу.

— Хорошо получается. Вкусно.

Ему было безразлично, кто заправляет кухней — он просто пытался нащупать нить разговора. Старик думал, что столь состоятельные люди нанимают кухарку, и не ожидал, что они ведут быт сами. На душе у него вновь заскребли кошки.

— А ведь Пэй Ян раньше даже пельмени сварить не мог, — негромко обронил он.

— В студенческие годы научился, когда мы квартиру снимали, — на губах Фу Шучжо появилась теплая улыбка воспоминания. — Комнатушка была крошечная, метров десять, не больше. Никакой кухни, конечно. Купили маленькую электроплитку, варили лапшу, тушили простенькие овощи.

Фу Шучжо обладал врожденной деловой хваткой и начал делать первые успехи в бизнесе еще на студенческой скамье. Пэй Ян тогда ничего не смыслил в коммерции, но безропотно обеспечивал ему надежный тыл. Учились они на разных факультетах и в совершенно разных вузах, но позже, желая во всем помогать любимому человеку, Пэй Ян совершил невозможное: сменил специальность и поступил в магистратуру того же университета, где учился Фу Шучжо. Так они и стали единым целым.

Пэй Чжилян вытер губы бумажной салфеткой.

— Пришлось несладко, да?

— Все это уже позади, — Фу Шучжо опустил глаза и после недолгой паузы добавил: — Мне казалось, раз мы выстояли тогда, то теперь нам море по колено. Никакие беды не страшны...

Но судьба нанесла удар оттуда, откуда не ждали, растоптав их счастье медленным, неизлечимым недугом.

Пэй Чжилян поднялся и сочувственно сжал плечо зятя.

— Самое тяжелое еще впереди, сынок.

Он не понаслышке знал, какой это ад — ухаживать за угасающим разумом. Сейчас Пэй Ян держался молодцом, но болезнь неумолимо возьмет свое. Прогрессирование — лишь вопрос времени, а на прорыв в медицине при их жизни надеяться глупо.

Чудеса случались, и редкие случаи исцеления были зафиксированы в анналах медицины, но шанс составлял один на сотни тысяч. Да и если приглядеться, подлинной науки в этих редких исцелениях не было — сплошное провидение. Сами врачи разводили руками, не в силах объяснить, почему к безнадежному больному вдруг вернулся рассудок.

— Я понимаю, тебе нелегко, — старик глубоко вздохнул, — но скажу прямо. То, что случилось вчера, не должно повториться. Если подобное произойдет вновь, я заберу сына к себе.

После долгого молчания Фу Шучжо глухо ответил:

— Я понимаю.

Пэй Чжилян сбавил тон, видя искреннее раскаяние зятя.

— Спустя месяц после того, как его матери вынесли приговор, я ушел на пенсию. Шагу без нее не делал, буквально за руку везде водил, привязать к себе готов был... Но стоило отвлечься всего один раз. — Старик судорожно вздохнул, его голос задрожал от подступивших рыданий. — Всего один-единственный раз недоглядел... и больше она домой не вернулась.

При воспоминании о покойной супруге лицо старика исказилось от затаенной боли, а в уголках покрасневших глаз пролегли глубокие скорбные складки.

Для таких молодых и деятельных людей, как они, круглосуточное нахождение рядом казалось невыносимым, какими бы сильными ни были чувства. Но болезнь диктовала свои суровые правила — прежней свободе пришел конец.

— Этого больше не повторится, — твердо пообещал Фу Шучжо.

— Ну вот и ладно. А теперь иди поспи, — Пэй Чжилян вновь коснулся его плеча. — Посуду я сам помою, я вчера рано лег, силы есть.

Усталость навалилась свинцовой тяжестью, и противиться ей больше не было сил. Заглянув напоследок в спальню, он увидел, что Пэй Ян все еще крепко спит, но беспокойно ворочается во сне и прижимает колени к груди, словно ища защиты.

Фу Шучжо просидел у его постели минут десять, за это время раз десять поправив сползающее одеяло. Ложиться рядом он не решился и устроился в маленькой комнатке, где обычно спал кот, — просторную гостевую спальню занимал тесть. Белый Чжочжо тоже предпочел компанию дедушки, начисто проигнорировав своего законного двуногого кормильца. Так что спать Фу Шучжо ложился в полном и весьма тоскливом одиночестве.

Но поспать удалось от силы часов пять — его вырвал из сна кошмар. Фу Шучжо приснилось, что Пэй Ян снова куда-то исчез. Не помня себя от ужаса, даже не обув тапочки, он бросился в хозяйскую спальню. Муж лежал в кровати, но метался в бреду: ночная прогулка под дождем не прошла даром, и у него поднялся сильный жар. В болезни Пэй Ян становился капризным, как ребенок — жалобно хныкал сквозь сон и требовал, чтобы его обнимали и баюкали.

Он то звал Фу Шучжо, то шептал «папа». У Фу Шучжо накопился изрядный опыт ухода за больным «котиком». Примостившись на краю постели, он прижал метавшегося мужа к груди, гладил по спине и тихо баюкал, помогая восстановить дыхание.

Помня о своем утреннем обещании больше не целовать мужа без спроса, Фу Шучжо лишь бережно прижался губами к его виску.

— Я здесь, хороший мой. И папа тоже здесь, все хорошо.

Жар пылал во всем теле Пэй Яна. Он упрямо зарывался лицом в грудь мужа, и утихомирился лишь тогда, когда Фу Шучжо переплел свои пальцы с его горячими ладонями. Фу Шучжо уткнулся подбородком в макушку любимого. Пэй Ян прижимался пылающей щекой к его шее — объятия эти дарили невероятный покой, словно они грели друг друга у камина в холодную зимнюю ночь.

Пэй Чжилян, собравшийся проведать сына, тихонько приоткрыл дверь, но, застав эту сцену, бесшумно удалился.

Окончательно очнулся Пэй Ян лишь под вечер. Жар почти спал, голова прояснилась от хмеля. Заметив сидящего у окна с книгой отца, он растерянно спросил:

— Пап? А ты как здесь оказался?

— Не помнишь ничего? — Пэй Чжилян поправил дужку очков. — Вчера набрался как свинья, устроил цирк на мосту, а сегодня твоя пьяная физиономия красуется во всех местных пабликах.

— Что?! — вытаращил глаза Пэй Ян.

Он лихорадочно потянулся к телефону, но тот оказался разряжен. Пришлось сначала воткнуть его в розетку.

Пока трубка заряжалась, они с отцом сидели в неловком молчании, избегая смотреть друг другу в глаза.

В голове Пэй Яна царил хаос. Обрывки воспоминаний складывались с трудом: он помнил, как пришел в бар, как к нему клеились какие-то типы, как он сравнивал своего таинственного кумира с Фу Шучжо и пришел к ужасающему выводу, будто изменяет мужу в мыслях... Потом на него накатила такая тоска, что жизнь показалась копеечкой, и он ушел. Дальше — сплошная пелена.

— Пап... — Пэй Ян прокашлялся, горло саднило. — А где Фу Шучжо?

— В офис уехал, дела накопились.

На самом деле Фу Шучжо просто уступил место тестю, решив дать им возможность спокойно поговорить наедине, да и самому нужно было перевести дух и понять, как вести себя с мужем дальше.

Пэй Ян недоуменно нахмурился. Воскресенье же на дворе, какая еще работа в выходной?

Собрался было подняться, как вдруг заметил на второй половине постели огромную мягкую игрушку. Ту самую, которую он вчера заприметил в игровом автомате у кинотеатра. И как только Фу Шучжо умудрился ее достать? И главное — зачем притащил в постель?

— А он... — Пэй Ян замялся. — Домой-то ужинать вернется?

Пэй Чжилян удивленно вскинул брови:

— Разумеется.

— Понятно...

Экран смартфона мигнул, раздался бодрый сигнал включения. Пэй Ян тут же полез в новостную ленту. И правда — ролик с его участием красовался на первой строчке.

Заголовок гласил: «Мужчина пытался свести счеты с жизнью из-за ревности к домашнему коту». Пэй Яна чуть удар не хватил.

Слава богу, лицо на записи размыли пикселями, да и голос пустили через фильтр. Тем не менее, его пьяные стенания читались без труда: «Да я в этом доме никто! Кот важнее меня! Этот гад ему розы покупает, а мне — шиш с маслом!..» В конце ролика он жалобно всхлипывал.

Пэй Ян застыл с каменным лицом.

"Что может быть хуже неудавшегося прыжка с моста? Только одно: прославиться на всю страну в роли пьяного идиота, устроившего истерику из-за кота"

Под видео уже вовсю резвились комментаторы:

— Господи, ору в голосину! Ну что за милота?

— Скиньте адресок, мы скинемся и выкрадем этого кота! Автору — мужа, нам — пушистого, все в выигрыше!

— Второй чел на видео тоже зачетный, сразу смекнул, что дома придется на коленях перед женой ползать.

— Да ладно вам, они ж просто в дрова пьяные были, помирать никто не собирался. Но копам уважение, приехали вовремя, а то мало ли что по пьяни в голову взбредет.

— Век живи — век учись ревновать. Пойду косо посмотрю на нашего самоеда, который вечно у жены под боком крутится...

— Интересно, когда эти двое протрезвеют и увидят себя в сети, они не захотят повторить попытку?

Пэй Ян действительно готов был провалиться сквозь землю от стыда. Не будь на лице цензуры, новость мигом разлетелась бы по всей стране. Шутка ли: исполнительный директор крупного холдинга закатывает пьяный скандал из-за кошачьего букета!

С глаз долой — из сердца вон. Он поспешно заблокировал экран, но легче не стало: в комнате по-прежнему сидел строгий отец, и эту неловкость было никуда не деть. Пэй Ян впервые поймал себя на мысли, что отчаянно хочет возвращения Фу Шучжо. Он понятия не имел, как начать разговор с родителем.

За долгие годы отчуждения они стали чужими людьми. Он чувствовал себя настолько скованно, что не знал, с чего начать: как вежливо справиться о здоровье, какую тему затронуть и с какой интонацией произносить слова. Но Фу Шучжо словно не чувствовал его мысленного зова — стрелки часов перевалили за полночь, а его все не было.

Пэй Чжилян давно ушел спать в гостевую комнату. Когда Фу Шучжо наконец тихонько приоткрыл дверь хозяйской спальни, чтобы просто взглянуть на мужа, он никак не ожидал натолкнуться на его пристальный взгляд.

— Почему не спишь? — Фу Шучжо постарался, чтобы его голос звучал как обычно непринужденно.

Пэй Ян потянул одеяло повыше, пряча лицо до самого подбородка.

— Не хочется.

Фу Шучжо присел на край матраса, оставив между ними ощутимую дистанцию.

— Мне нужно извиниться перед тобой, — спокойно проговорил он.

Пэй Ян непонимающе моргнул.

— Я повел себя эгоистично. Поцеловал тебя, не считаясь с твоими чувствами. — Фу Шучжо незаметно сжал кулаки, сохраняя маску абсолютного спокойствия. — Ты был прав. Для тебя прежнего мира больше нет, а со мной новым ты знаком всего неделю.

Сердце Пэй Яна тревожно екнуло.

— К чему ты клонишь?

— Я много думал об этом. Дать тебе развод и отпустить на все четыре стороны я просто не смогу, это выше моих сил. Поэтому... — Он на секунду запнулся, тщательно подбирая слова. — Я хочу предложить тебе сделку. Давай попробуем еще раз. Будем гулять, ходить по тем местам, где бывали раньше, попытаемся разбудить твою память. Но если ничего не выйдет, и ты так и не сможешь меня полюбить...

Дыхание Пэй Яна перехватило. В груди разлилась странная, пугающая пустота. Он ждал, что сейчас прозвучит роковое слово «развод», но вместо облегчения его охватила паника. Тело и разум словно кричали об опасности. Фу Шучжо страдал — и никакая наигранная веселость не могла скрыть глубокую, разрывающую его тоску в глубине глаз.

Фу Шучжо замолчал, а затем едва слышно закончил:

— Если ты так и не примешь меня... я отступлю. Обещаю.

В груди Пэй Яна бешено заколотилось сердце. Накатила глухая, удушающая волна страха —

точно такая же, как в тот день, когда он тонул и шел ко дну, прощаясь с жизнью.

<http://bllate.org/book/20679/2162182>